

Представления о справедливости и равенстве и правовой опыт населения (по материалам российско-французских исследований)

О.М. ЗДРАВОМЫСЛОВА

В конце 1990-х годов стало очевидно, что ельцинская модель либеральной экономики («рынок сам все отрегулирует; вмешательство государства в экономику должно быть минимальным») переживает коллапс. Эта ситуация поставила в тупик тех экспертов и аналитиков, которые долгое время развивали концепцию перехода от советского социализма к демократии на базе именно этой модели. Фактически произошла подмена цели построения правового государства (стратегической идеи периода перестройки) целью создания «рыночного общества». Самыми очевидными результатами реализации этой стратегии стали феноменально быстрое социальное расслоение, криминализация общества, распространение так называемых неправовых трудовых практик. 1990-е годы были периодом драматических изменений, затронувших ценности, нормы поведения и повседневную жизнь всех слоев и групп российского общества. Одна из существенных идейных трансформаций, повлиявших и на отношение людей к праву, была связана с тем, что справедливость и равенство — признанные ценности советской эпохи — в постсоветский период отступили на периферию официальной и повседневной идеологии. На первом плане оказались индивидуальный успех, конкуренция, материальное преуспевание. Разные исследователи в разное время приходили к выводу, что ценность справедливости занимает одно из ведущих мест в русской культуре. Существует идея, что справедливость — системообразующая ценность русской культуры и что ее эрозия разрушает фундамент моральных и правовых представлений россиян [Наумова 1995, с. 15]. Именно с этой точки зрения, которую мы разделяем, особо интересна эволюция представлений о справедливости. Эта проблема рассматривается в данной статье на материале опросов, проведенных в 1993 и 2000 гг.

Об исследовательском подходе

В начале 1990-х годов было проведено российско-французское исследование «Образы права в России и во Франции»¹. Его целью был сравнительный анализ представлений о праве, которые складываются в процессе социализации в двух странах с европейской культурой, разным социально-политическим устройством и исторически различным восприятием идеи права.

Анализ социальных представлений важен для понимания культуры общества, поскольку они — в отличие от личностных установок — создаются коллективно и коллективно поддерживаются. Фундаментальные представления присутствовали в нашей культурной группе задолго до того, как мы родились. Существует очень небольшая вероятность того, что какой-нибудь один индивид может вызвать существенное изменение в социальных представлениях, преобладающих внутри культурной группы [Moscovici 1981]. Однако большинство социальных представлений (к ним относится комплекс представлений о праве) изменчивы и выражают опыт общества, поколения, социальной группы. Особенно значимы такие изменения в переломные эпохи, подобные той, которую переживает сейчас Россия. Анализ изменения представлений в сравнительной перспективе дает более объемное видение общества. Что же касается правовых представлений, то сравнение результатов русских и французских опросов позволяет увидеть, чем отличается много раз описанная в отечественной литературе и философии «моральная» концепция общества у русских от «правовой» концепции, истоки которой восходят к Великой французской революции. Разумеется, в рамках данной статьи мы ограничились анализом лишь небольшого фрагмента проведенного исследования, не ставили задачи выйти на кросс-культурные обобщения.

В исследовании использовались два метода, разработанные французским социологом права Ш. Курильски-Ожвэн. Метод спонтанных ассоциаций предполагал, что респонденты — московские и парижские школьники (по 150 человек в каждом городе), 8, 10 и 11-х классов — должны были в течение одной минуты сформулировать ассоциации в отношении 42 ключевых слов, которые используются в современном языке и одновременно принадлежат юридическому словарю. Согласно методу выборочных ассоциаций из списка ключевых слов по определенным критериям были выбраны 20 понятий, характеризующих институты власти (например, государство, администрация), фигуры власти (например, судья, милиционер), юридические понятия, широко используемые в обыденной жизни (например, семья, развод и т. д.). Респондентам-школьникам было предложено связать каждый из этих 20 терминов, расположенных в таблице по вертикали, с одним, несколькими или 10 понятиями-ценностями (право, справедливость, свобода и т. д.), расположенными по горизонтали.

В 2000 г. мы повторили это исследование², дополнив его анализом правового опыта рядовых граждан (обращения в суд, к юристам, впечатления о действен-

¹ Результаты исследования опубликованы в монографии [Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова 1996].

² Исследование проведено О. Здравомысловой и М. Арутюнян при координации Ш. Курильски-Ожвэн (Франция) и участии П. Монсона (Швеция) при финансовой поддержке фонда ИНТАС в 2000—2002 гг.

Представления о справедливости и равенстве...

ности закона в решении жизненных проблем и т. д.). Второе исследование проводилось уже только в России (в Москве и Иваново). Информация была получена с применением четырех различных методов (спонтанные и выборочные ассоциации, анкетный опрос, глубинные интервью) от 1142 человек (300 подростков и 120 взрослых опрашивались методами ассоциаций, 700 взрослых в возрасте от 25 до 60 лет опрашивались по анкете и 22 взрослых респондента опрашивались методом глубинных интервью). Проанализировав в первом исследовании комплекс представлений о праве, мы пришли к выводу, что справедливость и равенство как морально-правовые регуляторы поведения играют исключительно важную роль. Второе исследование показало, что представления о справедливости и равенстве (наряду с другими правовыми представлениями) постепенно меняются, и это свидетельствуют о том, что у российских граждан складывается новое видение общества.

Две концепции справедливости

В исследовании образов права, осуществленном в 1993 г., мы нашли подтверждения тому, что представление о справедливости занимает особое место в комплексе российских правовых представлений. Анализ спонтанных ассоциаций показал, что российские представления о справедливости соответствуют трем образам: 1) моральное добро (правда, честность); 2) равная ценность людей; 3) воздаяние по заслугам. При этом ведущий образ — «торжество правды», или «добро». Справедливость, таким образом, выступала в качестве морального закона в обществе и в межличностных отношениях и являлась моральным стержнем правового сознания (по частоте связей между выборочными ассоциациями мы определили, что ядром правового сознания у русских респондентов были взаимосвязанные представления о законе, ответственности и справедливости). В противоположность этому во французских ответах справедливость почти целиком укладывалась в область юстиции, а моральная нафуженность не имела сколько-нибудь важного значения. В чем это выразилось?

По мнению французских респондентов, справедливость обеспечивает суд; в русских ответах, напротив, справедливость часто противопоставлялась закону и возвышалась над ним (это выражалось, например, так: «справедливость — это жизнь не по закону, а по совести»). Анализ выборочных ассоциаций показал, что представление о справедливости, имеющее, главным образом, моральный смысл, одновременно являлось для русских респондентов неким универсальным понятием, связывающим сферу публичной и частной жизни, т. е. она была равно значима и в отношениях гражданина и властей, и при заключении договоров, и в семье, и в межличностных отношениях.

Анализ этих различий между русскими и французскими ответами явился одним из важных аргументов в пользу того, что у русских доминирует моральная концепция справедливости, в то время как у французов — правовая. В определенной степени ответственность за это несет особенность словоупотребления: во французском языке справедливость (*justice*) означает и справедливость, и юстицию, в русском языке — это два разных слова. У русских респондентов, справедливость также вызывала ассоциации, связанные со сферой права

(главным образом с судом и деятельностью судьи), однако понимание справедливости как личностного качества, морального принципа поведения и моральной ценности значительно «перекрывало» юридический смысл понятия. Более того, в русских ответах «справедливым» оказывался не столько судья, «правильно» (грамотно, профессионально) применяющий закон, сколько справедливый (т. е. лично честный, моральный) человек. В этом, по мнению респондентов, была лучшая гарантия того, что судья применит закон «правильно» (накажет виновных и обеспечит торжество правды).

Разочарование в справедливости

В исследовании 2000 г. ответы о справедливости стали более эмоциональными (табл. 1)³: больше появилось и положительных высказываний («правильное отношение между людьми», «обостренное чувство, присущее русским», «высший суд» — 4 % высказываний такого рода было в 1993 г., стало 6 % в 2000 г.), и отрицательных («жестокая и непонятная», «мечта, которой не суждено сбыться», «этого не бывает». В 1993 г. было 3 % высказываний такого рода, в 2000 г. их стало 10 %). Пик отрицательных эмоций — в Москве (13 %). Если же сравнить московских одиннадцатиклассников 1993 г. и 2000 г., то у них количество негативных высказываний по поводу справедливости увеличилось с 6 % до 15 %.

В 2000 г. доля спонтанных ассоциаций типа «справедливости не существует на земле» существенно выросла в Москве, а в Иваново оказалась выше, чем была у москвичей в 1993 г. Если же обратиться к ответам московских школьников, то обнаруживается резкое увеличение доли соответствующих ответов во всех группах (в 1993 г. их было 5 % у шестикалассников, 6% у восьмиклассников и 7 % у одиннадцатиклассников; в 2000 г. мы получили 15, 11 и 20 % таких ответов). Характерно, что почти столько же «разочарованных» в справедливости оказалось среди москвичей в возрасте 26 — 35 лет (19 %).

Анализ содержания этой группы ответов показывает, что в ней объединяются представления о несовершенстве устройства мира («порок существует на земле», «справедливости в этом мире нет») и неустроенности российской жизни, в которой виновата власть («сейчас справедливости нет, виновато государство», «только не в России», «в России нет»).

Сравнение выборочных ассоциаций (табл. 2) свидетельствует о том, что разочарование в справедливости — это не философская установка, а негативная оценка изменений в обществе, и прежде всего в деятельности властей: частота связей «судьи» и «справедливости», «государства» и «справедливости», «мэра» и «справедливости» заметно снизилась в 2000 г. по сравнению с 1993 г.

³ Согласно методике, использованной в исследовании «эмоциональность» была одной из возможных характеристик ответов. Эмоционально окрашенными были не все ответы, а примерно 1/10 часть у французов и 25—30 % — у русских. Этим объясняется то, что доли, представленные в табл. 1, невелики, а сумма их меньше 100 %.

Представления о справедливости и равенстве...

Таблица 1 Эмоциональные высказывания по поводу справедливости («оценки»),
% от числа данных ответов

Высказывания	Французы 1993	Русские 1993	Русские 2000	Москва 2000	Иваново 2000
Положительные	2	4	6	6	7
Отрицательные	5	3	10	13	7
Амбивалентные		2	10	13	7

Таблица 2 Справедливость: ведущие выборочные ассоциации, % от количества
данных ответов*

	Судья	Государство	Мэр
Французы 1993	89	60	40
Русские 1993	80	49	63
Русские 2000	62	41	38
Москва 2000	71	48	45
Иваново 2000	52	34	30
Мужчины 2000	59	41	38
Женщины 2000	65	41	38
Шестиклассники 2000	65	37	44
Восьмиклассники 2000	69	55	44
Одиннадцатиклассники 2000	62	36	36
25-35 лет 2000	51	31	18
36-45 лет 2000	56	31	37
46 и старше 2000	55	42	37

* Представлены результаты выборочных ассоциаций по каждому из слов (судья, государство, мэр) отдельно, поэтому в данной таблице не указано 100 %.

Справедливость по закону и справедливость как личная добродетель

Показательны изменения в содержании и структуре ответов по поводу справедливости (табл. 3).

Справедливость как характеристика лучших качеств личности, прежде всего честности («честный, справедливый человек», «правильное, честное решение», «чувство внутренней правоты», «честь», «благородство»), сохранила свое доминирующее значение (а в московских ответах этот акцент даже сильнее выражен, чем это было в 1993 г.). Сохранилось и даже несколько усилилось отождествление справедливости с правдой («то, что, по общему мнению, верно», «от слова праведный, т. е. истинный»). Идею справедливого наказания

Таблица 3 **Справедливость: ведущие спонтанные ассоциации, % от количества данных ответов**

	Французы 1993	Русские 1993	Русские 2000	Москва 2000	Иваново 2000
Справедливость как закон, право применять закон	30	2	19	16	23
Принцип справедливости (моральный)	2	22	2	3	2
Справедливость закона, наказание виновного	5	13	12	13	10
Быть справедливым, справедливость как личное качество	2	24	22	26	18
Справедливость-правда	2	8	11	10	13
Справедливости не существует это иллюзия	6	6	11	14	7

виновного («когда наказывают виновного и оправдывают невиновного», «если совершено преступление, то наказание — справедливость») подчеркивает примерно такая же доля респондентов, как и в 1993 г.: в Москве их несколько больше (13 %), чем в Иваново (10 %).

Но наиболее важные изменения связаны с увеличением доли юридически приемлемых ответов, т. е. ответов, в которых справедливость понимается в терминах закона и права («закон, суд», «когда что-то сделано по закону», «соблюдение равноправия», «гарантированность исполнения закона»). Подобные высказывания почти отсутствовали у москвичей в 1993 г. (на их долю приходилось 2 % ответов). В 2000 г. они составляют уже 1/5 ответов (19 %) и оказываются на втором месте среди ведущих ассоциаций. Одновременно представления о справедливости как о моральном принципе поведения («соблюдение нравственных законов в отношениях между людьми», «долг»), которые в 1993 г. во многом определяли специфику русских ответов, почти исчезли: их доля (2 %) теперь такая же, как во Франции в 1993 г.

Правомерен вопрос: можем ли мы предполагать, что российское понимание справедливости постепенно лишается своей традиционной моральной специфики и приобретает правовой характер?

В 1993 г. французские респонденты давали 92 % ответов, которые можно было назвать юридически приемлемыми, в то время как у русских такие ответы составляли лишь 13 %. В 2000 г. среди ответов москвичей и ивановцев уже 30 % юридически приемлемых ответов, причем в Иваново их даже больше, чем в Москве (33 % против 25%). А если сравнить ответы московских одиннадцатиклассников 1993 г. и 2000 г., то окажется, что юридически приемлемых ответов стало 23 % (против 6 % в 2000 г.).

С одной стороны, вполне вероятно, что именно более отчетливая связь справедливости с институтами права, прежде с функционированием судебной системы, которая вызывает постоянное недовольство у граждан, ответственна за то, что возрастает доля негативных оценок справедливости. С другой стороны, «юридизация» справедливости явно свидетельствует о том, что люди испытывают все большую потребность в регулировании социальной жизни «нормальными» правилами и законами. Так, если в 1993 г. судья воспринимался русскими

Представления о справедливости и равенстве...

респондентами почти исключительно в его уголовной компетенции, как воплощение карающей справедливости, то теперь в русских ответах судья уже не только «приговаривает преступников», но и решает гражданские споры (имущественные, семейные и т. д.). Еще одно доказательство той же тенденции — появление ответов, в которых присутствуют ассоциации, связанные с необходимостью «справедливых санкций», с милицией («выяснение вины», «выносятся приговор», «он должен быть справедливым», «милиция»). В 1993 г. таких ответов было 9 % у французских респондентов, но они полностью отсутствовали у русских. В 2000 г. доля таких ответов невелика (составляет 2 % в Москве и 4 % в Иваново), но все-таки они появляются.

Концепция справедливости становится более определенно ориентированной на право, закон и деятельность юстиции, но ее моральный пафос сохраняется. Более того, в ответах взрослых москвичей можно найти подтверждение тому, что справедливость остается особой ценностью русской культуры, что она выше закона и рациональных доказательств («обостренное чувство, присущее русским; не в истине сила, а в правде»). Однако в 2000 г. эта идея воплощается почти исключительно в представлениях о справедливости как личной добродетели, близких к таким понятиям, как честность и честь («когда человеку не стыдно перед другим, а другому не тяжело смотреть тому в глаза», «честь, внутреннее состояние», «честность во всем»).

В 1993 г. у французских респондентов подобные ответы составляли 2 %, причем, подобное понимание справедливости было свойственно самым младшим из них. Среди русских это была наиболее распространенная ассоциация (24 % ответов), также свойственная в первую очередь младшим школьникам, однако и среди одиннадцатиклассников на нее приходилось 12 % ответов.

В 2000 г. высокая доля ответов такого рода сохраняется (их 26 % в Москве и 18 % в Иваново). В Москве их доля по-прежнему высока у младших респондентов (37 % у шестиклассников, 28 % — у восьмиклассников), но и в остальных возрастных группах она значительна (24 % у одиннадцатиклассников, 22 % — у 25—35-летних, 16 % — у 36—45-летних, 16 % — у самых старших). Таким образом, если у младших респондентов доля ответов такого рода не изменилась по сравнению с 1993 г., то у одиннадцатиклассников она выросла в два раза. В Иваново самый высокий процент подобных ассоциаций (26 %) в группе 25—35-летних, но и в ответах школьников они составляют примерно 20 %.

Как выяснилось, в 2000 г., правовые аспекты включались в концепцию справедливости, безусловно, шире, чем в 1993 г. В целом соотношение собственно «моральных» и собственно «правовых» (юридически приемлемых) ответов составляет: во французском опросе 1993 г. 6/25; в российском опросе 1993 г. 34/15; в российском опросе 2000 г. 35/30. Вместе с тем моральный смысл справедливости по-прежнему составляет суть ее понимания российскими респондентами, но теперь они отождествляют моральный смысл справедливости скорее с индивидуальным поведением (справедливый человек — честный, порядочный человек), чем с устройством социального мира, в котором принцип справедливости как правды и морального долга работает все менее эффективно.

Эволюция представлений о «равенстве»

Представления о равенстве вопреки ожиданиям не имели в 1993 г. столь важного значения, как справедливость, хотя также несли в себе преимущественно моральный, а не правовой смысл. Судя по всему, уже тогда наши респонденты относили равенство к разряду утопических социальных идей и понимали равенство как одинаковость, равноценность людей. Полагали, что равенство — это когда «нет особого выделения», вплоть до «все черненькие, все прыгают». Такой образ апеллирует не столько к праву, сколько к моральной идее, сформулированной наиболее четко одним из московских одиннадцатиклассников: «Это значит, что люди должны относиться друг к другу как к равным, таким же, как они сами». Наиболее адекватное выражение этот принцип находит в межличностных отношениях, поэтому русская концепция социального равенства с ее акцентом на человеческих, а не на иерархических отношениях, неосуществима в «большом» обществе и может применяться только в семье.

В 1993 г. это было ярчайшим отличием российских ответов от французских. В последних концепция равенства была по преимуществу правовой: право защищает граждан, обеспечивая им равенство перед законом. Поэтому равенство связывалось главным образом с гражданином и имело статус одной из важнейших социально-политических идей (32 % восемнадцатилетних французов и только 6 % их русских ровесников ассоциировали равенство с революционным лозунгом «Свобода, равенство, братство» и республиканской идеей).

Если 2/3 французских респондентов придавали равенству правовой смысл (иметь одинаковые права, отсутствие дискриминации, равенство перед законом, конституционный принцип равенства), то в русских ответах подобных высказываний было в два раза меньше.

Напротив, в русских ответах равенство связывали прежде всего с семьей, и это позволяло сделать следующий вывод: «В России модель равенства, даже если она и была воплощена социально в большей мере, чем модель свободы, дальше находится от права, чем во Франции: русские ответы в два раза реже имеют правовой оттенок, чем французские (одна треть против двух третей во Франции)... При этом у всех русских респондентов наблюдается, согласно преобладающей в России моральной модели, доминирование ответов, рассматривающих равенство как ценность... Если сравнить доли ответов, содержащих положительные оценки равенства в двух странах, то можно увидеть, что таких оценок в семь раз меньше в России, чем во Франции» [Курильски-Ожвэн 1996, с. 59-60].

Первое, что останавливает внимание в исследовании 2000 г. в России, — это большая доля ответов, в которых подчеркивается правовой смысл равенства (табл. 4).

М. Арутюнян, проанализировавшая тендерную специфику представлений о равенстве, отмечает: «Можно предположить, что с 1993 г. в правосознании молодых людей произошли большие перемены. Ивановские школьники демонстрируют ту же модель представлений о равенстве, которая была присуща москвичам в прошлом исследовании, причем с той же тенденцией преобладания правовых ассоциаций у юношей (у девушек, как и в московском исследовании

Представления о справедливости и равенстве...

Таблица 4 **Равенство. Доля юридически приемлемых ответов у школьников Москвы и Иваново в 2000 г., %***

	Москва	Иваново
Девушки		
В целом	55	28
6-й класс	15	12
8-й класс	53	10
11-й класс	78	56
Юноши		
В целом	43	27
6-й класс	13	8
8-й класс	50	7
11-й класс	66	79
Всего доля правовых ответов	50	27
Доля правовых ответов в 11 -х классах	73	64

* Представлены доли юридически приемлемых ответов в каждом из классов, поэтому в данной таблице не указано 100 %.

1993 г. значительно чаще представлен образ равенства как межличностного феномена, общей моральной ценности и социального равенства: «ни богатых, ни бедных»). У москвичей же образ равенства как равенства в правах, равенства перед законом, гражданского равенства, отсутствия дискриминации (равноправие наций, рас, и — что совсем уж ново — равноправие мужчин и женщин) стал едва ли не преобладающим и присутствует в половине всех ответов против тогдашних 35 %. Возможно еще более важная тенденция, проявившаяся в данном исследовании по сравнению с предыдущим: представление о равенстве приобретает ярко выраженный правовой и гражданский смысл уже у восьми-классников, причем, так сказать, в массовом масштабе к одиннадцатому же классу начинает носить уже «эпидемический» характер» [Арутюнян, Здравомыслова 2002, с. 35].

Симптоматична и еще одна тенденция: в предыдущем исследовании встречались лишь единичные негативно окрашенные высказывания в адрес идеи равенства (типа «равенство не осуществимо»). В 2000 г. такие высказывания составляют существенную долю у московских старшеклассников и москвичей-взрослых респондентов (25 % и 21 % ответов соответственно); в Иваново аналогичные ответы дают 7 % старшеклассников и 18 % взрослых респондентов. Эта разница (более положительное восприятие равенства ивановцами) находится в прямом соответствии с тем фактом, что ивановцы чаще вкладывают в понимание равенства моральный («дружба», «все люди равны») и межличностный смысл («взаимоотношения», «ровесники», «семья»). Напротив, более разнообразный у москвичей опыт жизни в рыночном обществе, как кажется, убеждает их в отсутствии правовых механизмов реализации равенства и делает типичными (по крайней мере в Москве) высказывания: «то, чего очень трудно добиться,

так что скорее неравенство»; «понятие, которое почти несовместимо с сегодняшним обществом»; «в нашем обществе невозможно».

Другой тип негативных высказываний о равенстве — полное соотнесение его с прошлым («коммунизм, дружба народов») и признание равенства одной из иллюзорных, ненужных и даже вредных идей («равенство и братство — вещи и в жизни совершенно невозможные»; «дурацкая идея американцев»; «к равенству стремиться бессмысленно, оно приводит к еще худшим последствиям»).

Мы уже упоминали о том, что равенство в 1993 г. понималось не столько как гражданская ценность, сколько как ценность приватной сферы: например, на связь между понятиями «гражданин» и «равенство» указывали лишь 25 % московских старшеклассников. В 2000 г. связь этих понятий отмечают уже 53 % (!) москвичей-старшеклассников, хотя по-прежнему значимы позиции семьи (так, связывают семью и равенство от 35 % до 62 % школьников). Правовые ассоциации по поводу равенства выражаются теперь в многочисленных высказываниях, типа «демократия», «равенство перед законом», «гражданские права», «иметь равные права» «мужчина и женщина», «эмансипация и равноправие».

Наши данные обнаруживают сходные тенденции в изменении представлений о справедливости и равенстве в направлении их все большей «правовой социализации». С одной стороны, можно видеть в этом результат изменений в языке, который осваивают прежде всего молодые поколения. Но, с другой стороны, есть основания предполагать, что в этом выражается реакция на социальный стресс 1990-х годов: страх перед рыночным обществом с его откровенными аморальностью и непредсказуемостью порождает потребность в правовой защите. Это подтверждает анализ текстов интервью, в которых люди рассказывают о своем опыте взаимодействия с правом в обыденной жизни.

Справедливость и равенство в правовых отношениях (по результатам сравнительного анализа московских и ивановских интервью)

Нельзя не отметить разницы в типах рассуждения ивановских и московских респондентов. Если первые опирались главным образом на собственный повседневный опыт и бытовой опыт родственников, друзей и знакомых, то вторые привлекали более широкий социальный контекст: в своих рассуждениях они чаще апеллировали к публикациям в прессе, телевизионным сюжетам, фильмам. Ответы москвичей выглядят скорее отвлеченными от личного опыта, аналитическими, претендующими на широкие обобщения. В известной мере это различие связано с социальными характеристиками опрошенных: среди опрошенных москвичей — представители творческих профессий, научного мира, крупного бизнеса, но главным образом в этом выразилось несходство опыта, обусловленное неравенством возможностей и условий жизни в столице и в провинции.

О несправедливости властей

Почти все интервьюируемые в той или иной форме выражали уверенность в том, что власть разных уровней глубоко несправедлива к гражданам, равнодуш-

Представления о справедливости и равенстве...

на к морали и решает любые проблемы, возникающие в правовом поле, исходя из собственных интересов. Однако если справедливость как моральная норма не действует, то должны быть обеспечены правовые гарантии справедливости, договорные основания. Такая логика прослеживается в описанных нами выше изменениях представлений о справедливости. Но, как свидетельствуют тексты интервью, логика опровергается опытом.

«Более защищены, может быть, дети пока еще. Только дети. Кто еще более защищен? Старики не особенно защищены, мне кажется. Как раз старики в нашем государстве вообще никому не нужны, кроме своих семей, своих детей. ...Уровень материального достатка больше всего влияет на степень защищенности» (Москва, интервью № 7).

Опыт приватизации, шоковой терапии, обернувшийся массовым обнищанием и обнаживший руководящую роль власти в этом процессе, уже пережит и адаптирован, но, похоже, он окончательно подорвал представления о возможности справедливого договора в отношениях между государством и гражданами. В основе нового видения общества — представление о социальном неравенстве, предопределяющем неравенство прав и возможностей граждан современной России, правовую негарантированность их существования:

«— Законы принимаются президентской вертикалью.

— А что в Вашем понимании «президентская вертикаль»?

— Т.е. в администрации президента они зреют, потом президент их одобряет или нет, потом они спускаются по вертикали. Народ... Ну, а Дума одобряет, как правило. Конечно, не все так однозначно, но принципиальные вещи решаются именно так.

— А крупный бизнес, с Вашей точки зрения, играет в этом процессе какую-нибудь роль?

— Олигархи проталкивают не общедоверительные законы, а что-то, что касается их напрямую, — что-нибудь в сфере лицензирования, или там ставки таможенных пошлин. Вот это они стараются, естественно, отслеживать» (Москва, интервью № 4).

Высказывания москвичей о государстве выглядят резкими, тревожными: несправедливость государства, выразившаяся в том, как оно распорядилось общенародной собственностью, рождает страх, недоверие, чувство незащищенности.

«Вообще нормальному россиянину всегда надо держать ухо в остро с государством и знать, что в любой момент оно может его обмануть и отобрать собственность. ...Государство у нас назад ничего не отдает. Пособие на ребенка я вообще не получаю. Ужас какой-то!» (Москва, интервью № 4).

«Несправедливое» государство само нарушает закон, совершает преступления, действует негуманно по отношению к гражданам, (сталкивая в нищету, лишая социальной защиты) или вовлекает их в игры с криминальными структурами. При обсуждении взаимоотношений граждан и государства москвичи нередко отождествляют государство и криминальные структуры. Более того, государство и криминал воспринимаются ими как две одинаково враждебные субстанции, угрожающие личной безопасности каждого гражданина.

«Мне обеспечены права сесть в тюрьму без основания, получить в карман паке- тик героина, которого я никогда не потреблял, и как он пахнет, не знаю... Сегодня мы все являемся уголовниками» (Москва, интервью № 6).

«Никому не верю. Я просто вижу их лица и прекрасно понимаю, что с таким лицом человек честным быть не может. Не верю в то, что можно человека на суде справедливо осудить. Процентом девяносто сажают просто за какую-то глупость, за воровство от безысходности. ...При этом ты чувствуешь себя совершенно неловко, потому что ты не ворует, не убиваешь, не делаешь никаких таких противоправных действий, но ты чувствуешь себя, как какой-то... муравей, как таракан... При том что милиция может делать все, что угодно» (Москва, интервью № 5).

Многие москвичи подчеркивают преемственность между советским и постсоветским опытом бесправия. В их речи чаще встречаются слова «система», «инертность», «наследие советской власти», «порочная практика». Таким образом конструируется образ исторически укоренной несправедливости, победить которую невозможно.

«Я не думаю, будто что-то принципиально изменилось... Это наследие советской власти. Тогда тоже были игры государства с его гражданами. Гражданин не должен знать своих прав, тогда им легче управлять. А когда он знает свои права, он начинает требовать что-то» (Москва, интервью № 2).

В ивановских интервью тоже противопоставляются права граждан интересам государства. Граждане, как правило, проигрывают, поскольку закон в руках более сильного игрока, с которым лучше не иметь дела.

«Конечно, лучше бы не доводилось связываться со структурами, лучше бы бог берег. Лучше бы жить тихо, мирно, и ни с какими структурами, ни с какими чиновниками не связываться. Другое дело, что это, конечно, маловероятно, но, в общем, мое стремление — свести общение с ними к минимуму» (Иваново, интервью № 1).

Жители Иванова в большей степени, чем москвичи, связывают свое недоверие к государству не столько с общей идеей его корыстной несправедливости и враждебности человеку, сколько с повседневной бюрократией, безразличием чиновников, бессмысленными временными и эмоциональными потерями, с обращением в различные инстанции:

«...Обычная волокита— неделю бегаешь с бумажками по тем или иным инстанциям: то кого-то нет, то кто-то на заседании, и я считаю, что это — обычное для нашей страны дело» (Иваново, интервью № 1).

«Я думаю, что нечасто люди добиваются своих прав, потому что это долго из-за судебных проволочек» (Иваново, интервью № 3).

В то время как москвичи склонны даже несколько демонизировать власти, жители Иванова общение с ними воспринимают сквозь призму конкретных ситуаций вынужденного отстаивания своих интересов. Наиболее распространены такие поводы для обращений в инстанции, как приобретение или оформление недвижимости, приватизация жилья, грабежи, автомобильные аварии, обращения в ЖКО по поводу различных бытовых проблем, разводы.

«Очень нервно и на это уходит очень много времени... <...> Очень хлопотно. Я должна была детские деньги получать. Я их не получаю, пришла в соцзащиту, посмотрела на эту очередь, развернулась и ушла. Нужно в ЖКО взять справку о прописке. График работы совершенно не приспособлен для работающих людей, даже не в обеденное время. Там очень неудобные часы приема» (Иваново, интервью № 5).

Представления о справедливости и равенстве...

Сказывается разница в дистанции между властью и рядовым гражданином в столице и провинции: в Москве в непосредственной близости находится верховная власть, возможности которой не идут ни в какое сравнение с возможностями граждан. В Иваново человек имеет дело, как правило, с рядовыми представителями структур (работники ЖЭКа, милиционеры, служащие городской администрации). Респонденты узнают в их трудностях свои собственные проблемы. Поэтому жители Иванова чаще, чем москвичи, склонны оправдывать нечестность и неправовые действия чиновников. В некоторых рассуждениях претензии к органам исполнительной власти переплетаются с сочувствием и жалостью к работникам государственных служб из-за их низкой зарплаты. Распространено убеждение: они работали бы лучше, если бы получали хорошие деньги.

«Оформление квартиры — безразличие полнейшее. ...Это связано с низкой зарплатой. Я думаю, что если человек заинтересован материально, то он работает лучше» (Иваново, интервью № 10).

«Неравенство» перед законом

Хотя москвичи с трудом верят в возможность восстановить справедливость, постоянно нарушаемую властью для них, в отличие от жителей провинции, как кажется, становится более привычной судебная процедура отстаивания своих прав.

«Человек может разобраться со всеми этими проблемами, с нарушением своих прав, обратившись в суд. И я думаю, что, обратившись в суд, можно восстановить справедливость, и если права нарушены незаконно, несправедливо, жестоко, то в суде можно доказать. ...Только на очень высоком важном уровне (суды) могут быть коррумпированы, в отдельных важных делах. Я так думаю. Когда это все в интересах государственных, может быть» (Москва, интервью № 7).

Москвичи отмечают, что стало больше возможностей для получения квалифицированной юридической помощи и защиты своих прав, хотя отдают себе отчет в неравенстве возможностей различных граждан, которые делятся на имеющих право и бесправных. Бесправные — это в первую очередь пенсионеры, беженцы, мигранты и конечно, неимущие, поскольку существует прямая зависимость между уровнем дохода и возможностью защищать права:

«Простые люди — они даже могут испугаться услуг адвоката, тех расценок, которые существуют у нас без всяких там благодарностей, просто они могут увидеть, что они не в состоянии это оплатить, просто могут не решать свои проблемы, которые им, может быть, хотелось бы решить... И тем более передавать дело в высшие судебные инстанции...» (Москва, интервью № 1).

«Самый бесправный контингент — это беженцы, которых штрафуют каждые три дня за то, что у них нет регистрации и документов о легальном пребывании в России» (Москва, интервью № 4).

Для жителей провинции по-прежнему типично активное стремление избегать любых контактов с судами, которые вызывают у них стойкое неприятие.

«Судебные инстанции — это не гора, а гнилое болото, в котором все инициативы вянут. Судиться — это очень долго, и примерно сумма на взятки чиновникам для того, чтобы выиграть свое дело, может составить то же самое, что платит»

бандитам, чтобы они решили ваше дело в свою пользу. Это быстрее» (Иваново, интервью № 8).

Отсутствие денег, по мнению ивановцев, становится основным препятствием для отстаивания своих прав в судебных инстанциях и главной причиной «неравенства» людей перед законом:

«Не каждый может себе это позволить, т. е. по финансовому положению не каждый может себе это позволить в смысле оплаты» (Иваново, интервью № 3).

«Я никогда не писала больших исковых заявлений, поэтому не знаю, как там идут разбирательства. Но, кажется, в таких житейских элементарных вопросах, когда все права за тобой, приходится прикладывать не только усилия, но и средства» (Иваново, интервью № 9).

Очевидно, что имущественное неравенство, ставшее фактом в российском обществе, явно предопределяет успех или неуспех в решении многочисленных проблем, возникающих в правовом поле. Не случайно позиция респондентов-предпринимателей резко отличается от мнений рядовых граждан своим прагматизмом и оптимизмом:

«Я считаю, что человек знающий, с деньгами может решить в этой жизни любую проблему по идее... И, наверное, не только у нас. А вот человек не знающий и без денег ничего не может решить». (Иваново, интервью № 6).

«Я считаю, что если есть деньги и есть возможность найти качественного адвоката... Чтобы что-то отстоять, нужно просто заплатить деньги» (Иваново, интервью № 6).

У представителей бизнеса складываются более легкие отношения с властями, хотя они стремятся избегать конфликтов с ними. Это звучит и в ивановских, и в московских интервью. Предприниматели, в отличие от многих рядовых граждан, не боятся обращаться в суды. Хотя, по мнению бизнесменов, чтобы решить ту или иную проблему, для начала следует опробовать все возможные другие варианты разрешения конфликта и только в случае неудачи решать вопрос в судебном порядке. При обращении в государственные инстанции, к юристам в суды, предприниматель продолжает искать неправовые, обходные пути. Московский предприниматель назвал этот навык знанием «технологий решения вопроса», а ивановский предприниматель — знанием «реальных законов жизни».

«Мы никогда не судимся с московской властью. Мы судимся между собой. Мы судимся между истцом и ответчиком. И для того, чтобы выиграть этот суд, существует несколько технологий разных и всяких, любая технология хороша, если она приводит к выигрышному результату. Тариф примерно 2,5—3 тыс. долларов. Примерно. Ну, иногда до 5 тыс. долларов доходит, в зависимости от цены вопроса» (Москва, интервью № 6).

«Я, наверное, как в большинстве подобных ситуаций, приду к ней с коробкой конфет. Такой своеобразный вид взятки, но я много раз уже убеждался, что таким образом проблему можно решить достаточно быстро... Есть законы официальные, есть законы жизни. Это две большие разницы. Я привык жить по реальным законам, т. е. по законам, которые нам диктуют условия» (Иваново, интервью № 6).

Те же технологии используются предпринимателями в отношениях с правоохранительными органами:

Представления о справедливости и равенстве...

«Технологии всегда включают в себя и воздействие, и вовремя и в нужное место поданное заявление, и вовремя данная взятка работнику милиции, и обращение в нужный орган в нужное время, зная, что этот орган однозначно воздействует на работников милиции» (Иваново, интервью № 6).

Необеспеченность социальных гарантий и отсутствие поддержанных законом договорных отношений доводят до крайности зависимость от власти любого уровня и обостряют социальное неравенство. В полном соответствии с этим хозяева считают, что они свободны от любых обязательств и любой ответственности перед работниками.

«Я как хозяйственный руководитель своих работников вывожу за штат. И если в брежневские времена выведение работников за штат было уголовно наказуемо, то сегодня в демократической нашей стране я могу прикрыться лозунгом, что работники, с которыми я работаю — временные работники, и они свободные люди, они демократичные люди, они в любой момент могут взять и уйти, и поэтому я в ближайшие 20—25 лет боюсь их принимать в штат, потому что они свободные демократические люди — я их вывожу за штат. Выведа их за штат, никаких социальных гарантий я им как работодатель не обеспечиваю» (Москва, интервью № 6).

Что касается рядовых работников, то они постепенно учатся жить в условиях полной негарантированности своих прав.

«— Сейчас Вы работаете по трудовой книжке?»

— Нет, не по трудовой

— Это условия, которые работодатель поставил, или это Ваш выбор?»

— Нет, это условия, которые поставил работодатель.

— Но при случае Вы были бы не против завести трудовую книжку?»

— Да, я была бы не против.

— И Вы работаете без договора, без книжки, по устной, что называется, договоренности ?

— Да, я работаю без договора, без трудовой книжки» (Москва, интервью № 7).

Создается впечатление, что за последние годы представления о том, что власть (особенно в соединении с деньгами) выше закона, что помимо писаного и действующего закона существуют более важные правила социальной игры, только укрепились.

Феномен «неправового сознания»

В рассуждениях, в описании «обыденных» поводов обращения в суд и ситуаций, требующих борьбы за выживание, в полной мере выразились огромное давление рыночного общества и глубокое переживание социальной несправедливости, «вплетенные» в каждодневный опыт рядовых граждан. Большинство историй, рассказанных в интервью, обнаруживают беспомощность людей и их искреннюю неготовность отстаивать свои права. В соединении это образует некое социальное качество, которое можно обозначить как феномен «неправового сознания». Он явственнее обнаруживается в ивановских интервью и выражается не только в склонности подчиниться обстоятельствам или «реальным законам жизни», но и в агрессивном осуждении людей, проявляющих активность, в особенности тех из них, кто отстаивает свои права в суде. (Интересно, что в московских интервью высказываний такого рода вообще не было.)

«На пенсионеров все работающие граждане полагаются во всех делах, и пенсионеры ходят, бродят, стоят в очередях, особенно к нотариусу» (Иваново, интервью № 5).

«У меня есть такое убеждение, что честный человек — его имя не должно мараться в суде. Если человек участвует в том или ином судебном разбирательстве, значит, что-то уже не чисто. ...Истец для меня, это тот человек, который не смог решить проблему теми средствами, которые обычно я использую. Склочный человек, который решил прибегнуть к руке закона. ...Несимпатичны мне люди, которые не могут решить проблемы собственными силами. Сейчас мир достаточно жесток, поэтому, мне кажется, человек, который не может сам за себя постоять, найти выход из ситуации, он достаточно слабый. Недостоин уважения» (Иваново, интервью № 6).

Другой признак «неправового сознания» — комплекс рассуждений, присутствующий в нескольких интервью: жалобы на отсутствие правовой защиты, пассивность в защите своих прав, обвинение традиций русской истории и смутная надежда на правовое просвещение. Почти все опрошенные отметили, что уровень их собственных знаний о правах и свободах крайне низок, объясняя это особенностями менталитета, отсутствием в России правовой культуры и навыков по защите своих прав. Подчеркивалась противоположность российской и западной традиций.

«В нашей стране исторически сложившаяся правовая безграмотность. Мало того, она сильно запущена, как говорится. Запущена настолько, что мы не только не знаем своих прав, мы и не интересуемся своими правами» (Москва, интервью № 2).

«У нас мировоззрение у людей очень ущербное, т. е. мы ушли от своего исконного российского мировоззрения мы не пришли к западному. Ту золотую середину, которая была у нас между Западом и Востоком, мы потеряли и не пришли ни туда и ни сюда и болтаемся сейчас непонятно где» (Москва, интервью № 8).

Заключение

Опыт прошедшего десятилетия безусловно отразился в социальных представлениях российских граждан о справедливости и равенстве. Однако можем ли мы говорить о том, что складывается новая концепция общественной жизни и соответственно формируется иной, отличный от прежнего — советского — правовой менталитет?

На наш взгляд, утверждать можно лишь то, что произошло сравнительно быстрое и поверхностное усвоение населением (прежде всего молодым поколением) самых общих представлений о демократии и либеральных ценностях. Кстати, об этом свидетельствует большинство исследований, в которых задаются вопросы о важности разделения властей, роли парламента и многопартийности, значении права и гражданских свобод и т. д. Если же ставить задачу понять, происходят ли более глубокие изменения, имеющие отношение к формированию общественных воззрений, новых образцов правового поведения в обществе и преобразованию социальных практик, то ответ далеко не так очевиден.

Естественное стремление людей сохранить привычные, освещенные далекой и более близкой историей представления об устройстве общества и своем

Представления о справедливости и равенстве...

месте в нем, в течение последних лет поддерживается тем, что преобразование социальных институтов, в то числе и правовых, идет медленно и непоследовательно. Новые элиты продолжают действовать по старым рецептам, используя теперь уже демократические лозунги для упрочения своего положения, но, сопротивляясь тому, чтобы дать гражданам реальные права и полномочия. Потребность в праве как способе защиты гражданина в обществе наталкивается на сопротивление сформировавшейся системы неравенств. Именно поэтому концепции справедливости и равенства, судя по эволюции российских ответов, уже не соответствуют полностью своей прежней логике, но их новая логика тоже не сформировалась. Причудливое сочетание старого и нового, возможно, дает людям некоторую свободу действовать, используя все свои социальные ресурсы для того, чтобы приспособливаться к мало от них зависящим обстоятельствам, полагаясь лишь на собственные силы.

Результаты исследования позволяют тем не менее с большой долей уверенности предположить, что последовательные социально-политические преобразования в направлении построения правового государства, правовое просвещение и общественная дискуссия могли бы не в самом отдаленном будущем привести к реальному изменению правового менталитета, информированию новых привычек использования закона — постепенному превращению его в естественное правило социальной жизни и регулятор решения многочисленных проблем повседневности.

Литература

- Арутюнян М., Здравомыслова О.* Представления о праве и использование и использование закона обычными людьми в повседневной жизни: Отчет по результатам исследования. М.: ИСЭПН РАН, 2002.
- Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М., Здравомыслова О.* Образы права в России и во Франции. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Наумова Н.* Жизненная стратегия в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 5.
- Moscovici S.* On social representation / Ed. by Forgas J.P. Social Cognition: Perspectives on everyday life. L.: Academic Press, 1981.